

УСТАВ ЛИТУРГИИ РЕДАКЦИИ ЕВФИМИЯ ТЫРНОВСКОГО. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА

Светлана ПАНОВА (Москва)

Устав литургии, или Диатаксис, (Διάταξις τῆς θείας λειτουργίας) — это текст-регулятор совершения литургии, регламентирующий действия священнослужителей во время богослужения. Диатаксис представляет собой подробный сценарий совершения богослужебных действий, единый чин совершения литургии с уточнением всех деталей обрядового значения. Создание греческого текста Диатаксиса приписывается константинопольскому патриарху Филофею Коккину (1353 — 1354/5 гг., 1364 — 1376 гг.), который составил этот важнейший богослужебный текст на основе уже существовавших в древних евхологиях рубрик. До XVI в. Диатаксис существовал в рукописной традиции наряду с другими уставами, со временем вытеснив их на территории Византии. Славянские редакции Диатаксиса патриарха Филофея появляются довольно скоро: если сам Диатаксис датируется серединой — второй половиной XIV в., то самые ранние славянские его списки относятся к концу XIV в. Представляется, что впервые Диатаксис был переведен славянскими книжниками на Афон, где осуществлялись непосредственные греко-славянские контакты. Далее Диатаксис патриарха Филофея, как один из нормативных текстов, связанных с богослужением по новому Иерусалимскому Типикону, переводится в Болгарии. Болгарский Устав литургии Иоанна Златоуста относится к трудам Патриарха Евфимия Тырновского: как известно, сам патриарх перевел Служебник (Зографский служебник НБКМ № 231 кон. XIV в.), в состав которого входил устав литургии. Болгарская редакция Филофея известна и в Зографском свитке (Зограф. 1 г. 12 XIV в.), который был приготовлен для руководства при новом богослужении. Текст Служебника обнаруживает сходство с текстом свитка, однако в то же время представляет собой более буквальный перевод с греческого. В Зографском свитке имеется прямая атрибуция Евфимию: *вжѣтнаа слоѡва стѣхъ литоурѣа, дѣаконскаа кѣрѣѣѡѣмѣа патрѣарха тырновскаго*. Их издал в 1890

году П. А. Сырку¹. Считается, что оригиналом для Евфимия послужила редакция устава Филофея, ближайшую версию которой представляет список, сделанный в Ватопедском монастыре на Афоне. На Русь же Устав патриарха Филофея приходит в конце XIV в.

Редакция Устава литургии Патриарха Евфимия Тырновского представлена наименьшим количеством рукописей, следовательно, она получила в славянском мире наименьшее распространение, однако не следует недооценивать ее значение, поскольку следы этой редакции присутствуют во многих списках, содержащих другие редакции, и ее чтения впоследствии могли входить в более поздние, подвергшиеся правке списки.

Язык редакции Евфимия отличается большим количеством заимствований из языка оригинала, на лексическом уровне это проявляется в большом числе грецизмов (στίχарь τὸ στοιχάριον, ѡрарь τὸ ѡράριον, ипїтрахиль τὸ ἐπιτραχέλιω, ѣрмонахъ ὁ ἱερομόναχος, фелонь φελώνη, рипида τὸ ριλίδιον). Из всех славянских редакций Диатаксиса редакция Патриарха Евфимия Тырновского отличается наибольшей степенью грецизации, концентрация заимствований здесь наиболее высокая. Так, в данной редакции содержатся грецизмы, которые не характерны для одной, а зачастую и двух других редакций.

Одним из таких грецизмов является *метаніе* (ἡ μετάνοια), зафиксированный дважды в редакции Патриарха Евфимия: *тврѡѣ метаніе прѣдѣ стѣми икнами* (Зограф. 1 г. 12 с. 1)²; *по еже сътворити обычное... метаніе* (Зограф. 1 г. 12 с. 1) — *μετὰ τὸ ποιῆσαι τὴν συνήθη μετάνοιαν* (с. 36)³. Традиция употребления данного грецизма восходит к южнославянским текстам, так, с разной степенью частотности он встречается в южнославянских переводах Иерусалимского Типикона⁴. Однако в Диатаксисе редакции Евфимия наблюдается конкуренция греческого и славянского

¹ Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. т. I. ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. 1—31.

² Здесь и далее ссылки на чтения евфимиевской редакции приводятся по Зографскому свитку Зограф. 1 г. 12 XIV в. в публикации Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. т. I. ч. 2. Литургические труды патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1890. С. 1—31.

³ Здесь и далее чтения греческого текста Диатаксиса по списку Vatopedi 133 / 744 XIV в. даются по публикации Красносельцев Н. Ф. Материалы для истории чинопоследования Литургии святого Иоанна Златоустого. Казань, 1889, вып. 1. С. 36—78.

⁴ Пентковская Т. В. Переводы византийско-славянской контактной зоны XIII—XIV вв.: литургическая терминология // Преводите през четидесето столетие на Балканите. София, 2004. С. 234.

терминов с преобладанием последнего: *сѣщенникъ же сътвори поклоненіе къ Ѡакѡнуу* (Зограф. 1 г. 12 с. 25) — *ὁ δε ἱερεὺς ποιήσας πρὸς τὸν διάκονον μετάνοιας* (с. 72); *Ѡакѡнъ...творитъ поклоненіе* (Зограф. 1 г. 12 с. 25) — *ποεῖ μετάνοιαν* (с. 72). Другим грецизмом, отражающим южнославянскую традицию в выборе эквивалента литургическому термину, является грецизм *лѣръ* (*ὁ ἀήρ* — пелена, которой покрываются святые дары): *възимаетъ лѣръ* (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — *αἴρει τὸν ἄερα* (с. 64), *свикаеть лѣръ* (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — *διπλοῖ τὸν ἄερα* (с. 64). Та же лексема последовательно употребляется в афонской редакции Устава литургии и в Черепишском типике — болгарском евфимиевском переводе Иерусалимского Типикона⁵.

Для некоторых литургических терминов списки Устава литургии редакции Евфимия наряду с заимствованием из греческого предлагают и славянскую лексему, при этом распределение таких лексем неравномерно. Так, для передачи греческого термина *τὸ ποτήριον* используются как грецизм *потѣрь*, так и славянское слово чаша: *покрываетъ сѣтъи потирь*, *въливаетъ къ сѣтъи потѣрь вино и водъ*; *таже покрывала оубо възметъ ѿ... сѣтъя чашъ, показоуетъ... на сѣтъя чашъ* (Зограф. 1 г. 12 с. 7, 4, 17, 20) и т. д. При этом количество чтений со славянским термином очень мало в соотношении с количеством чтений с грецизмом: на 21 употребление грецизма приходится 5 употреблений славянской лексемы.

Обратное соотношение наблюдается при переводе греческого *ὁ ἱερεὺς*: на 69 чтений со славянизмом *сѣщенникъ* приходится 41 чтение с грецизмом *ѣри*, таким образом, в данном случае предпочитается славянский эквивалент, однако важно, что обе лексемы являются весьма частотными в данном тексте. Отметим, что материал русской редакции дает обратное соотношение: здесь преобладающим является греческое заимствование, в то время как в афонской редакции грецизм является единственным переводом *ὁ ἱερεὺς*.

Заслуживают особого внимания некоторые грецизмы в тексте Диаксиса редакции Евфимия, являющиеся не столь частотными в славянской традиции. Так, для греческого *τὸ ἀντίδωρον*, „часть просфоры“, предлагается лексема *анофора* (*анафора*), которая употребляется в том же значении в других памятниках, однако для передачи греческого *ἀναφορὰ* (известны примеры из Новгородской Кормчей 1280 г., Рязанской Кормчей

⁵ Пентковская Т. В. Русские редакции Иерусалимского Устава и их соотношение с Евфимиевской редакцией (литургическая лексика) // Търновска книжовна школа. Т. VIII. Велико Търново, 2007. С. 336–337.

1284 г.⁶). Грецизм *χερουβίκο* для греческого *τὸ χερουβικὸν* свидетельствует о влиянии греческого подлинника: заимствуется не только лексема, но и ее грамматическое оформление — средний род субстантивированного прилагательного. Подобное явление наблюдается и в южнославянском Черепишском типике, где греческому *τὸ πολυέλεον* соответствует грецизм *полиελεω*, тот же грецизм преобладает и в поздних русских переводах Иерусалимского Типикона (РГАДА ф. 381 №143, Усп. 5 — перг.)⁷. В числе литургических терминов Диатаксиса редакции Евфимия Търновского присутствует и небольшое количество славянских лексем, характерных для славянской богослужебной традиции в общем: *звѣзда ѿ ѡстеріскос*, *копїе ѣ лѡγχη*, *гъва ѿ сплѡγος*. В памятнике используются также славянские слова, отсылающие к древней традиции: лексема *страна* (*ὁ χόρος*) со значением „место, где стоят поющие, клирос“ (*тѣврѡѣ метанїе прѣдѣ стѣми иконами*, и на *обѣ странѣ Зограф. 1 г. 12 с. 1* — *εἰς τοὺς δύο χοροὺς* с. 36), зафиксированная (в полногласной форме) и в Студийско-Алексиевском уставе⁸, и в славянских переводах Иерусалимского Типикона (в болгарском переводе старца Иоанна, сербском Никодимовом типике⁹), русском переводе Иерусалимского Типикона митрополита Алексия, а также в русской редакции Устава литургии; лексема *въхѡдѣ*, передающая греческое *ὁ εἶσοδος*, также свидетельствует об ориентации на древнюю традицию. Термин *покрывало* (*τὸ κάλυμμα*), используемый для обозначения покрова на чашу и дискос, отмечен в памятниках XII — XIII вв, однако не характерен для славянской письменной традиции начиная с XIV в. (ср. в афонской и русской редакциях Устава литургии использованы термины *покрѡвъ*, *покрѡвиць*).

Ряд славянских лексем, использованных в редакции Евфимия, объединяют ее с афонской редакцией Устава, таким образом демонстрируя общность письменных традиций. Варианты русской редакции при этом отличны. Такими терминами являются *метлица ѣ моῦσα*, *топлота* (*теплоε*) *τὸ ζέον*, *лѣжица ѣ λαβίδα*.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 2003. С. 22.

⁷ Пентковская Т. В. Русские редакции Иерусалимского Устава и их соотношение с евфимиевской редакцией (литургическая лексика) // Търновска книжовна школа. Т. VIII. Велико Търново, 2007. С. 339.

⁸ Пентковский А. М. Типикон Патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М. 2001. С. 398, 402, 406, 407, 420.

⁹ Пентковская Т. В. Переводы византийско-славянской контактной зоны XIII—XIV вв.: литургическая терминология // Преводите през четирисетото столетие на Балканите. София, 2004. С. 241—242.

Помимо таких слов, в памятнике появляются славянские элементы, неизвестные или нехарактерные для предшествующей письменной традиции. Так, в значении „настоятель монастыря, игумен“ используются лексемы *настоаи, наставникъ (ὁ προεστώς), известные также русской редакции Устава литургии и последующим богослужебным сочинениям (см. Монашеский устав Иосифа Волоцкого, 310, 1514 г.; Иноческий устав преп. Евфросина, 525, XV в., по списку XVI в., Житие Пафнутия Боровского, 119, XVI в., по списку XVI — XVII вв.¹⁰).

Особо следует отметить случаи вариативных употреблений славянских эквивалентов греческим терминам, когда одной единице оригинала могут соответствовать две различные славянские лексемы. Так, греческое οἱ ψάλλοντες передается словами пѣвци и поѣци (ср. в русской редакции Устава литургии пѣвци, поѣци и людиѣ), при этом предпочитается второй термин как более точно передающий греческий, а лексема ликъ, используемая в афонской редакции и характерная для южнославянских переводов Иерусалимского Типикона, здесь не встречается.

Наименее четким является разграничение лексем олтарь и жрътвникъ, поскольку и в тексте оригинала присутствует несколько лексем для обозначения этих понятий. Для греческого τὸ θυσιαστήριον („алтарь“) в тексте Устава литургии редакции Евфимия Тырновского используется лексема жрътвникъ, она же единично встречается при переводе τὸ βήμα („алтарь“): вѣходѣ въ сѣти жръвникъ (Зограф. 1 г. 12 с. 11) — εἰσέρχονται ἐν τῷ ἁγίῳ βήματι (с. 52), при том что регулярным соответствием последнему греческому слову является термин олтарь. Обе лексемы применяются в списках Евфимиевской редакции Устава литургии и при переводе греческого τὸ ἱερατεῖον, и это в совокупности с вышеприведенными данными позволяет предположить, что для создателя редакции не существовало четкой системы перевода указанных греческих терминов. Более того, возможно, на тот момент времени еще не была сформирована четкая система понятий, что приводило к смешению и вариативному употреблению лексем.

При регулярной передаче греческого ἡ μέρις словом часть в евфимиевской редакции присутствует единичное употребление особой лексемы — зръно: вѣзьмь зръно съ сѣтми коѣмь (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — αἴρων μερίδα (с. 42). Вероятно, в данном случае нашла отражение узко локальная традиция перевода данного греческого термина.

Глагольные лексемы, выделенные в списках Устава литургии редакции Евфимия, позволяют говорить об отношении к другим редакциям.

¹⁰ По данным картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв.

Так, многие чтения Евфимиевской редакции (Е) совпадают с чтениями афонской редакции (А), отличаясь от русской (Р): трѣзвити (Е) — трезвитиса (А) — вѣдѣти (Р) ἐγρηγορέναι; сказавше рѣцѣ (Е) — сказавше (А) — приложивше рѣкы к персеамъ (Р) δήσαντες; възиметь (Е) — возметь (А) — въздвигаетъ (Р) αἴρει; възвышаа (Е) — возвышаа (А) — въздвига (Р) ὑψῶν; сътворити (Е) — сътворити (А) — послоужити (Р) ποιῆσαι; свикаеть (Е) — свикаеть (А) — сгибаетъ (Р) διπλοῖ; раздравляетъ (Е) — раздробляетъ (А) — разделлетъ (Р) μελίξει; рѣрѣзоуетъ (Е) — рѣжетъ (А) — заклетъ (Р) θύει; видить (Е) — видить (А) — познаеть (Р) ἴδῃ; дрѣжитъ (Е) — держитъ (А) — вкладдетъ (Р) κρατεῖ. Встречаются также случаи совпадения глагольных лексем Евфимиевской и русской редакций: времени наставшоу (Е) — наставшоу (Р) — пришедшоу (А) ἐπιστάντος; поставляетъ блюдо (Е) — поставляетъ (Р) — полагаетъ (А) τίθεισι; вънѣзить копие (Е) — конзить (Р) — въдроужаетъ (А) πῆγνυσι; полинаеть иже хошетъ (Е) — хошетъ (Р) — имать (Р) θέλει. Ряд глагольных лексем отличает Евфимиевскую редакцию от других, свидетельствуя о ее индивидуальности: разгываетъ еутреліζει (ср. наражаетъ А, благооукрашаетъ Р), вѣкма дождавшоу λαβῶν (ср. вземъ А, приемъ Р); възгласитъ ἐπισυνάλτει (ср. совокоуплетъ А, глаголетъ Р); вѣтрить рліζει (ср. маеть, внимаеть А, опахаетъ Р), възносъ ἀψάμενον (ср. възвышаа Р, въздвигаетъ А); потрѣвлѣеть еіскоиζει (ср. съкоуплетъ А, въспоускаетъ Р), обрысавъ ἀλοσπογγίσας (ср. штираеть Р, штеръ А); зритъ очима просеχῶν τὸν ὀφθαλμόν (ср. внимаа окомъ А, сматраа Р).

Таким образом, лексический материал списков Диатаксиса редакции Евфимия Тырновского свидетельствует о большой степени буквализма перевода, ориентации на греческий текст, что выражается в большом количестве заимствований. В то же время в тексте присутствует ряд славянских элементов, как древних, стандартных общецерковнославянских, так и „новых“.

С точки зрения словообразовательных особенностей особый интерес представляют приставочные образования, поскольку такие единицы позволяют проследить степень развития тенденции учитывать при переводе морфемный состав слова. Воспроизведение морфемной структуры исходных лексем сводится, как правило, к переводу или пропуску греческой приставки. При наличии тенденции к поморфемному переводу во всех славянских редакциях Устава литургии, степень последовательности в таком переводе неодинакова. В целом представляется трудным определить какую-либо переводческую установку в отношении передачи морфем в связи с относительно небольшим объемом текста и неоднородностью материала. Представляется возможным наметить лишь некоторые закономерности в переводе греческих приставочных образований. Так, в списках редакции Евфимия Тырновского довольно последовательно

передается морфемная структура греческого слова, а именно приставки.

Греческая приставка ἐκ- / ἐξ- соответствует славянской из-, от- в отдельных случаях в соответствии со смыслом въз-: исхοδить ἐξέρχεται, ѿпасти ἐκτεσεῖν, възгласить ἐκφονεῖ.

Приставка ἐπι- может передаваться приставками на-, по-, а также менее частотным въз-: вѣрѣмени же наставкаоу ἐπιστάντος, нарѣкница ἐπιμανίκια, полагагѣть ἐπιτίθησι, възлагагѣть ἐπιτίθησι. В значении „сопутствующее действие“ приставка ἐπι- всегда передается славянским при-: прирѣкшоу ἐπειπόντος, приглаголоуа ἐπιλέγων.

Приставка ἀπο-, как правило, переводится приставкой от-, однако в соответствии с семантикой может переводиться приставками по- и съ-: ѿходить ἀπέρχεται, ѿносить ἀποκομίζονται, ѿдагѣть ἀποδίδωσι, помываѣт ἀποπλίνων, съвмачитсѣ ἀποδυέται.

Приставке про- всегда соответствует прѣд-: прѣдреченѣа проεἰρημένα, прѣдѣиджшоу проπορευομένου.

В редакции Евфимия нашли выражение попытки калькирования слов с приставкой συν-, что характерно для правленных редакций (например, для Чудовской редакции Нового Завета¹¹): съслзжѣтели συλλειτουργῶν, съвбирагѣть συλλέγει.

Как видно из предложенного материала, в редакции Евфимия Тырновского нет однозначной корреляции между греческими и славянскими приставками, в соответствии с одной греческой приставкой могут выступать различные славянские. Это свидетельствует, возможно, о том, что способы перевода греческих приставок в XIV в. были еще недостаточно проработаны, предпринимались лишь попытки поморфемного перевода. Такая же ситуация наблюдается в Тырновской редакции Триодного синаксаря¹² и в южнославянских редакциях Литургии Преждеосвященных Даров.

Особенностью Устава литургии редакции Евфимия является использование производных существительных. Такие единицы можно объяснить

¹¹ Чешко Е. В. Об Афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям. // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 60–93; Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке. Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009. С. 12 – 24.

¹² Тасева Л. Словообразователни тенденции в Закхеевия превод на Триодните синаксари и неговата търновска редакция // Търновска книжовна школа. Т. VIII. Велико Търново, 2007. С. 345 – 353; Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII–XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 73–88.

попыткой передать греческие производные слова славянскими производными. Данная попытка, как правило, не находит соответствий в других славянских редакциях Устава, однако и в редакции Евфимия примеры довольно малочисленны: *помыслѣнїи λογισμός*, *кадилица θυμιατόν*, *благоговѣнство εὐλαβεΐα* (ср. *помыслѣть*, *кадило*, *благоговѣнїи* в афонской и русской редакциях). Та же тенденция прослеживается в некоторых редакциях славянской Литургии Преждеосвященных Даров¹³.

Таким образом, среди словообразовательных особенностей Диатакиса редакции Евфимия Тырновского можно назвать тенденции к поморфемному переводу, что проявляется в попытках найти соответствия греческим приставкам, и к передаче греческих производных слов славянскими суффиксальными образованиями. Обе тенденции имели место в тексте редакции, однако анализ материала показывает, что соблюдаются эти тенденции недостаточно последовательно.

Из морфологических особенностей Устава литургии редакции Евфимия обращают на себя внимание употребление числовых форм глаголов и глагольных форм и особенности использования указательных местоимений.

Евфимиевская редакция Устава относится к богослужебным текстам, в которых двойственное число при согласовании глагола-сказуемого, а также причастий с подлежащим, обозначающим двух лиц, не используется. При этом наблюдается вариативность числовых форм глаголов: при координации с подлежащим возможны формы как единственного, так и множественного числа: *въхѡдѣтъ въ цр̄ковѣ сщеникѣ коупно и діаконѣ и тѡрѣ метанїе прѣдѣ с̄тыми икѡнами* (Зограф. 1 г. 12 с. 1) — *εἰσέρχεται ἐν τῷ ναῷ, καὶ ἐνωθεὶς τῷ διακόνῳ, ποιοῦσιν ὁμοῦ πρὸς ἀνατολὰς προσκυνήματα γ'* (с. 36); и тако *вхѡдѣтъ въ с̄тыи олтарь. и тѡрѣ метанїе прѣ с̄тож трапезѡж*, и *глѣ мл̄тѡж сїж* (Зограф. 1 г. 12 с. 1) — *καὶ οὕτως ἀπέρχονται. ὅτε δε προσκυνοῦσι λέγουσι καθ' ἑαυτοῦς τὴν εὐχὴν ταύτην* (с. 36); *приходитъ ѿреи же и діакѡ прѣ с̄тѡж трапезѡж и тѡрѣ поклоненїе въкоупк* (Зограф. 1 г. 12 с. 10) — *ἔρχονται ὅτε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης καὶ ποιοῦσι προσκύνησιν ὁμοῦ* (с. 55). Особенно показательным является использование множественного числа глаголов и причастий при согласовании с подлежащим, выраженным счетной формой: *такѡже показоуѡтъ и вѡи сщеникѣ же и діакѡ на с̄таа* (Зограф. 1 г. 12 с. 21) — *ὡσαύτως δεικνύουσιν ἀμφότεροι ὅτε ἱερεὺς καὶ ὁ διάκονος τὰ ἅγια* (с. 61); *стожтъ коупно вѡи молѡщїе, хероувїко гл̄щїе къ свѣк* (Зограф. 1 г. 12 с. 16) — *σύσταντες ἀμφω εὐχονται ὁμοῦ, τὸ*

¹³ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII–XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 86.

χερουβικὸν λέγοντες καθ' ἑαυτοὺς (с. 60); поклонѣхтсѧ ѡбои прѣѣ стѡж трапезѡж, молѡщесѧ въ свѣтѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 18) — προσκυνῶσι ἀμφότεροι τρίτον ἔμπροσθεν τῆς ἁγίας τραπέζης εὐχόμενοι καθ' ἑαυτοὺς (с. 64). Примеры употребления множественного числа глаголов при парных обозначениях зафиксированы с XII в., а со второй половины XIII в. такие примеры встречаются регулярно, что свидетельствует о семантическом переосмыслении форм двойственного числа¹⁴.

Формы двойственного числа глаголов-сказуемых и причастий при подлежащих, обозначающих парные предметы, отсутствуют и в русской редакции Устава литургии, в то время как в афонской редакции двойственное число используется достаточно последовательно. Это явление, возможно, свидетельствует в пользу более раннего происхождения текста афонской редакции по сравнению с другими, а также о принадлежности ее сербской традиции. В более поздних редакциях Иерусалимского Типикона, как болгарских (перевод Евфимия Тырновского ЦИАИ 44, вторая половина XIV в.), так и русских, зависящих от болгарских (ГИМ, Усп. 5-перг. XV в., Fekula—VI XIV—XV вв.), а также в правленных редакциях Литургии Преждеосвященных Даров форма двойственного числа глаголов отсутствует¹⁵.

В редакции Устава Литургии Евфимия Тырновского в роли личного местоимения 3-го лица, а также при указании на предмет очень часто выступает указательное местоимение тѣ. Сравнение с другими редакциями Диатаксиста показывает, что здесь такое употребление наиболее частотно:

и въземь чѣ полагаѣ и тѣ ѡ лѣвѣмъ страны (Зограф. 1 г. 12 с. 5) — καὶ οὕτως αἴρων τὴν μερίδα τίθησιν αὐτὴν ἐν τῷ αὐτῷ μέρει (с. 44); тои же скончанѣ. глѣ дѣакѡ кѣ сѣненикоу (Зограф. 1 г. 12 с. 10) — ταύτης δε τελεσθείσης λέγει ὁ διάκονος πρὸς τὸν ἱερέα (с. 55); цѣлоуѣ то сѣненикѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 11) — ἀσπάζει αὐτὸ ὁ ἱερεὺς (с. 52); тѣ поклонсѧ тѣи же (Зограф. 1 г. 12 с. 11) — εἶτα προσκυνήσας αὐτὸς (с. 52); томоу же обвѣнчѣ блѣвѣшоу и мѣтѣж прирекшоу (Зограф. 1 г. 12 с. 13) — τοῦ δε συνήθως εὐλογήσαντος καὶ τὴν εὐχὴν ἐπειπόντος (с. 54); възглагошаѣ тѣ сѣненик же мѣгчѣи (Зограф. 1 г. 12 с. 14) — ἐκφωνεῖ ἐκεῖνος (с. 56); егда съмощричь тѣ скончавша мѣтѣж (Зограф. 1 г. 12 с. 16) — ἠνίκα αἴσθηται αὐτοῦ πληρώσαντος τὴν

¹⁴ Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Двойственное число. М. 2001. С. 142—143.

¹⁵ Пентковская Т. В. Иерусалимский устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 165—167.

εὐχὴν (с. 58); и поставлѣть та на своель ихъ мѣстѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 17) — ἀποτίθησι καὶ αὐτὸν (с. 60); поставлѣть тыя въ сѣбѣ дѣсковѣ крѣпавьразно (Зограф. 1 г. 12 с. 24) — τίθησι αὐτὰς ἐν τῷ ἀγίῳ δίσκῳ σταυροειδῶς (с. 70).

Указательное местоимение тѣъ используется в значении личного уже в старославянских текстах, так как в раннеславянских языках не было особой лексемы для обозначения лица или предмета, являющегося объектом речи говорящего или его собеседника. Исходная трехчленная система указательных местоимений (сь для указания на лицо, близкое говорящему, тѣъ для указания на лицо, близкое собеседнику, и, та, ю и онѣ, она, оно в остальных случаях) находит отражение только в старейших памятниках, во всех же старославянских памятниках наиболее частотным является местоимение и, которое впоследствии утрачивает формы именительного падежа всех родов и чисел. В этих формах закрепляется местоимение онѣ¹⁶. В древнерусских памятниках наиболее частотным средством указания на 3-е лицо является местоимение и, местоимение тѣъ в личном значении встречается довольно редко, а в притяжательном значении оно зафиксировано единичными случаями¹⁷. В болгарских же текстах местоимение тѣъ в качестве личного и притяжательного используется регулярно, особенно частотно оно в произведениях Евфимия Тырновского и его последователей¹⁸. Так, употребление указательного местоимения тѣъ вместо и при переводе греческого αὐτὸς наиболее характерно для евфимиевской и киприановской редакций Литургии Преждеосвященных Даров¹⁹.

На синтаксическом уровне особый интерес в Уставе литургии евфимиевской редакции представляют синтаксические конструкции с местоимениями иже, еже.

1) Придаточные определительные.

Греческие определительные придаточные предложения, присоединенные относительными местоимениями ὅς, ἥ, ὅ, ὅσπερ, ἥπερ, ὅτε, передаются в Уставе редакции Евфимия также определительными придаточными, в которых, как правило, в качестве относительного местоимения выступает иже: прѣдъидѣшиѡ дакшоу съ кадилницеѣ. иже и покадиць сѣта.

¹⁶ Ремнева М. Л. Старославянский язык. М., 2004. С. 215.

¹⁷ Богатырева Г. Д. Склонение и семантико-синтаксические функции указательных местоимений в древнерусском языке XI—XIV вв. Л., 1969. С. 10.

¹⁸ Иванова-Мирчева Д. Евтимий Тырновски, писател-творец на книжовния български език от Късното средновековие // Тырновска книжовна школа. София, 1974. Т. 1. С. 203.

¹⁹ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII—XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 63—64.

молѣса въ сѣбѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 16) — προπορευομένου τοῦ διακόνου μετὰ τοῦ θυμιατοῦ, ὅς καὶ θυμιάσας τὰ ἅγια καθ' ἑαυτὸν εὐχόμενος (с. 60); поставѣють ѡакѡ иже имѡ въ ржкоу рипидѡ или покрывало (Зограф. 1 г. 12 с. 20—21) — ἀποτίθησι ὁ διάκονος ὅπερ μετὰ χειρας ἔχει ριπίδιον ἢ κάλυμμα (с. 66).

2) Использование *иже*, *еже* для передачи греческого артикля в функции субстантивации при именной группе и причастии.

В тексте редакции Евфимия такие примеры многочисленны, артикль переводится при именной группе, состоящей из существительного и/или причастия: сѣнник же дрѣжж и тѣ же въземь сѣпж чѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 26) — ὁ δε ἱερεὺς κρατῶν ὁ αὐτὸς ἦν ἔλαβεν ἅγιαν μερίδα (с. 72); възѣ метлицѡ събираеть въса еже въ сѣтѣ дѣскоѣ части пѡ сѣго агнѣца (Зограф. 1 г. 12 с. 6) — καὶ λαβὼν τὴν μοῦσαν συλλέγει τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ μερίδας ὑποκάτω τοῦ ἁγίου ἄρτου (с. 46); и тако причащаетса иже въ ржцѣ дрѣжимж чѣ съ страхоиѣ и въсѣцѣмь ѡпастѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 26) — καὶ μεταλαμβάνει τοῦ ἐν χερσὶ μετὰ φόβου καὶ πᾶσης ἀσφαλείας (с. 72); оустны свож же и сѣннаго потѣрѣ иже въ ржкоу дрѣжимѣ покрывалѡ овысавѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 26) — καὶ μετὰ τοῦτο тᾶте ἴδια χεῖλη καὶ τοῦ ἱεροῦ ποτηρίου τῷ ἐν χερσὶ κάλυμματὶ ἄποσπογγίσας (с. 72). Греческий артикль переводится в том случае, если между ним и относящимся к нему словом находятся зависимые слова. При этом порядок слов строго сохраняется, а в качестве субстантиватора используется согласованная местоименная форма (*иже*, *еже*).

Способы перевода греческих инфинитивных конструкций также представляют важный материал для анализа синтаксических особенностей изучаемого текста. Для выражения временных отношений в Уставе литургии редакции Евфимия Тырновского используются калькированные инфинитивные конструкции, при этом элементы конструкций различаются в зависимости от того, передаются ли отношения одновременности или следования. При передаче греческой модели ἐν τῷ + Infinitiv (отношения одновременности с действием главного предложения) используется славянская конструкция „вънегда + инфинитив“ глагола: глѡ и се вънегда раздрѡвлѣти (Зограф. 1 г. 12 с. 24) — λέγων καὶ τοῦτο ἐν τῷ μελίξειν (с. 70). Конструкция „вънегда + инфинитив“ зафиксирована в Чудовском Новом Завете, древнерусском кодексе, отличительной чертой которого является крайний буквализм перевода, проявляющийся и на уровне синтаксиса, в частности, в калькировании греческой модели ἐν τῷ + Infinitiv²⁰. То же явление регулярно наблюдается в Норовской псалтыри

²⁰ Пентковская Т. В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке. Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009. С. 210 — 221.

— восточноболгарской редакции первой половины XIV века, представляющей собой текст с большими изменениями по отношению к архаической редакции славянского перевода псалтыри, чем афонская редакция. В этой редакции тенденция к грецизации славянского текста проведена с такой последовательностью, которая не представлена ни в одной правленной редакции, созданной на Афоне. Так, конструкция „вънигда + инфинитив“ в соответствии с греческой ἐν τῷ + Infinitiv представлена только здесь: *внигда потребаѣти сѧ грѣшникѡмь* Нор. 36. 34 — ἐν τῷ ἐξολεθρεύεσται ἄμαρτολους; *яко не вънигда ли оумираѣти емоу* Нор. 48.18 — ὅτι οὐκ ἐν τῷ ἀποθνήσκειν αὐτὸν, в правленных же редакциях представлена конструкция с личной формой глагола²¹. Личная форма глагола при переводе греческого инфинитива используется и в русской редакции Устава литургии.

Для выражения отношений следования в греческом тексте Диатакссиса используется конструкция μετὰ τὸ + Infinitiv. В тексте редакции Евфимия, как и в русской редакции, калькируется данная модель сочетанием предлога по с артиклем-субстантиватором еже и инфинитивом глагола, таким образом строго следуя за элементами греческой конструкции: по еже сътворити обычное настоѡщмоу метаніе (Зограф. 1 г. 12 с. 1) — μετὰ τὸ ποιῆσαι τὴν συνήθη τῷ προεστῶτι μετάνοιαν (с. 36); по еже реѣши сщеникоу (Зограф. 1 г. 12 с. 23) — μετὰ τὸ ποιεῖν τὸν ἱερέα (с. 68).

Другая греческая модель, имеющая значение цели, — διὰ τὸ (μὴ) + inf. — не калькируется в евфимиевской редакции Устава, а передается славянской конструкцией *яко да (не) + личная форма глагола*: и рѣкращаетъ его ниць аще неѣ топль *яко да не испогнаеть влагж* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — καὶ στρέφει τὸ ἕτερον μέρος ἐπάνω τὸ ἔχον τὸν σταυρὸν, εἰ μήπως ἐνὶ ζέων καὶ ἀτμίζων, τότε γὰρ ὑπτιος κείσθω, διὰ τὸ μὴ ποιῆσαι κάτοθεν ὑγρότητα (с. 42).

Для греческого оборота Accusativus cum infinitivo с союзом ὥστε используется Dativus cum Infinitivo с союзом *яко*: *окрысавъ впаствѣ въсѧ мокротѧ гжвож ~~якоже~~ не остатити никакѡ же вънапть ~~каковѣ~~ либо мокротѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 29) — ἀκριβῶς πᾶσαν τὴν ὑγρότητα τῷ σλόγγω ὥστε μὴ ἐναπλειφθῆναι τὴν τυχοῦσαν νοτίδα (с. 76); и възѣ метлицѧ съвираеть въсѧ ~~аже~~ въ стѣѣ дѣскокѣ ~~части~~ по стѣѡ агнѣца, ~~яко~~ лежати въсѣмъ съвъкъсно и не ѡпасти ѡ нѣ ничтоже (Зограф. 1 г. 12 с. 6) — καὶ λαβὼν τὴν μοῦσαν συλλέγει τὰς ἐν τῷ ἀγίῳ δίσκῳ μερίδας ὑποκάτω τοῦ ἀγίου ἄρτου ὅστε κείσθαι ἐν ἀσφαλείᾳ καὶ μὴ ἐκπεσεῖν τί (с. 46); ~~потрѣблѣѣ~~

²¹ Чешко Е. В. Об Афонской редакции славянского перевода псалтыри в ее отношении к другим редакциям. // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 85.

сѣла въ сѣтѣхъ погнѣрь съ страхѣмъ и въсѣщцѣмъ опасствѣмъ, такѣмъ ни малю чьсому остатѣ въ сѣтомъ дѣкѣмъ или ѡпадшому оставитисѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 27) — εἰσκομίζει πάντα ἐν τῷ ἁγίῳ ποτηρίῳ μετὰ φόβου καὶ πᾶσης ἀσφαλείας. ὥστε μηδὲν τι τῶν ἁγῶν λεπτοτάτων ἐκπεσεῖν ἢ καταλεφθῆναι (с. 74). Последовательно воспроизводя греческую модель, составители редакции Евфимия единожды используют также и характерную для более ранних церковнославянских переводов конструкцию *такѣ да + личная форма глагола: вѣтрить надъ сѣтѣхъ съ въсѣщцѣмъ благоговѣнствѣмъ. такѣ да не садѣмоуца или что ѡ таковы животны* (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — ριπίζει ἐπάνω τῶν ἁγίων μετὰ πάσης εὐλαβείας, ὥστε μὴ καθίσει μύϊαν ἐκ τι τῶν τιούτων ζωυφίων (с. 64).

В передаче греческих предложно-падежных конструкций Устав литургии редакции Евфимия Тырновского имеет некоторые особенности, которые могут разделяться и другими славянскими редакциями или являться присущими только данной редакции.

Греческая модель *μετὰ + Gen.* в инструментальном значении калькируется при помощи предлога *съ* с творительным падежом: и *въземъ зръно съ сѣтѣхъ копѣемъ* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — καὶ αἴρων μερίδα μετὰ τῆς ἁγίας λόγχης (с. 42); и *пакы показоуж съ своимъ ораремъ коупно на сѣла* (Зограф. 1 г. 12 с. 21) — καὶ αὐθις δεικνύων μετὰ τοῦ ἰδίου ὄραρίου ὁμοῦ τὰ ἅγια (с. 66); *водитъ его ѡ десныа страны съ копѣемъ глѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — νύττων δε αὐτὸν ἐν τῷ δεξιῷ μέρει μετὰ τῆς λόγχης ἐπιλέγει (с. 42); и *съ единѣмъ покрывалѣмъ покрывъ* (Зограф. 1 г. 12 с. 27) — καὶ καλύψας αὐτὸ μεθ' ἐνὸς τῶν καλυμματίων (с. 74). Характерно, что в афонской редакции при переводе данной греческой модели чаще используется традиционная для более ранних славянских текстов беспредложная конструкция (см. выше). Буквально передаются в евфимиевской редакции и греческие инструментальные модели с другими предлогами: *веръ же въземъ ѡ рамена дѣконоу... покрываеть съ нимъ сѣла* (Зограф. 1 г. 12 с. 17) — τὸν δε τὸ ἀέρα λαβὼν ἀπὸ τῶν ὤμων τοῦ διακόνου σκεπάζει **δι'** αὐτοῦ τὰ ἅγια (с. 60); *показоуж съ орареѣ на сѣтѣхъ дѣкѣмъ* (Зограф. 1 г. 12 с. 21) — δεικνύων **σὺν τῷ ὄραρίῳ** τὸν ἅγιον δίσκον (с. 66).

Для передачи греческой модели *διὰ + Gen.*, имеющей пространственное значение, редакция Евфимия дает предложную модель *ѡ + Род.*, калькируя конструкцию оригинала: и *такѣ изшѣше ѡ малыи дверѣи* (Зограф. 1 г. 12 с. 10) — καὶ οὕτως ἐξελθόντες διὰ τοῦ βореῖου μέρους (с. 50); и *изшѣ ѡ сѣтѣхъ дверѣи, идѣ и станѣ на оуставленѣмъ мѣстѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 13) — καὶ ἐξελθὼν διὰ τῶν ἁγίων θυρῶν, ἀπέρχεται καὶ ἴσταται ἐν τῷ τεταγμένῳ τόπῳ (с. 56). Русская и афонская редакции Устава не проявляют такого буквализма и используют в указанных случаях стандартный беспредложный творительный падеж. Известно, что в истории большинс-

тва славянских языков беспредложный творительный в этом значении впоследствии уступил место предложным конструкциям²².

После глаголов, обозначающих направленные действия, в соответствии с греческим *πρὸς* используется предложная конструкция вместо стандартной, характерной для древних текстов, беспредложной: *показаж коупно и къ вѣстокѣ съ ѡрарѣ сице дръжж его* (Зограф. 1 г. 12 с. 10) — *δεικνύων ἅμα καὶ πρὸς ἀνατολὰς μετὰ τοῦ ὡραρίου οὕτως, ὡς κρατεῖ αὐτὸ* (с. 52); и *зрл къ западѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 14) — *καὶ βλέπων πρὸς δυσμὰς* (с. 56); *сѣнникъ же сътвори къ дакноу поклонѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 25) — *ὁ δε ἱερεὺς ποιήσας πρὸς τὸν διάκονον μετάνοιας* (с. 72). Греческий предлог переводится и в конструкциях с глаголами речевого действия, направленного кому-либо: *дѣаконъ же вѣливаетъ въ сѣти потѣрь вино и водж, рекъ прѣвѣ къ сѣнникоу* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — *ὁ δε διάκονος ἐγγέει τῷ ἀγίῳ ποτηρίῳ ἐκ τοῦ οἴνου καὶ τοῦ ὕδατος ὁμοῦ, εἰπὼν πρότερον πρὸς τὸν ἱερέα* (с. 42).

В соответствии с греческой беспредложной моделью, также выражающей направление действия, в Уставе литургии редакции Евфимия употребляется предложная модель „на + винительный падеж“: *показж съ орарѣ на сѣти дѣскоу* (Зограф. 1 г. 12 с. 21) — *δεικνύων σὺν τῷ ὡραρίῳ τὸν ἅγιον δίσκον* (с. 66); и *дакѣ показоуа съ ѡраремъ на сѣти потири глѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 24) — *καὶ ὁ μεν διάκονος δεικνύων σὺν τῷ ὡραρίῳ αὐτοῦ τὸ ἅγιον ποτήριον λέγει* (с. 70); и *пакы показоуж съ своимъ ораремъ коупно на сѣта* (Зограф. 1 г. 12 с. 21) — *καὶ αὐθις δεικνύων μετὰ τοῦ ἰδίου ὡραρίου ὁμοῦ τὰ ἅγια* (с. 66); и *стоитъ дакѣ въ сѣтѣ моласа и зрѣ очима на ера* (Зограф. 1 г. 12 с. 24) — *ἵσταται ὁ διάκονος καθ’ ἑαυτὸν εὐχόμενος καὶ προσέχων τῶν ἱερέϊ τὸν ὀφθαλμὸν* (с. 70). В русской редакции в указанных случаях используется предлог *къ* с дательным падежом (*показоуѣ съ оураремъ къ сѣтѣ дѣскоу, дыакѣ показуа къ сѣтмоу потириви, дыакѣ стоитъ к сѣтѣ моласа и сматраа къ ерѣю Р, Син. 601 с. 67, 71*); замена дательного падежа конструкцией „на + винительный падеж“ характерна для среднеболгарских памятников. Это связано с началом утраты в болгарском языке дательного падежа и сближением его в функциональном отношении с винительным. Интересно, что в правленых переводных болгарских текстах выбирается конструкция „къ + дательный падеж“ как более архаичная²³.

²² Бауэрова М. Беспредложный творительный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 290.

²³ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII—XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 93.

В редакции Евфимия проявляется тенденция к синонимии предлогов *въ* и *на* при переводе предложных конструкций с предлогом *ἐν*: *въшедъ паки въ сѣтин олтарь* (Зограф. 1 г. 12 с. 7) — *εἰσέρχεται αὐθις ἐν τῷ ἁγίῳ βήματι* (с. 48); и *полагаетъ его възнакъ въ сѣтѣмъ дѣскоѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — *καὶ θεῖς αὐτὸν ὑπτιον ἐν τῷ ἁγίῳ δίσκῳ* (с. 42); *дръжжшоу... на единомъ прѣстѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 17) — *κρατοῦντος... ἐν ἐνὶ τῶν δακτύλων* (с. 60). Семантическое различие конструкций с предлогами *въ* и *на* является характерным для древнерусского языка, в то время как в среднеболгарских памятниках эти предлоги употребляются синонимично²⁴.

В соответствии с греческой предложной моделью *ἐπάνω* + Gen. используется конструкция *надъ* + творительный падеж: *ѣрен же покадивъ свѣздаж полагаѣ ѿ надъ сѣтинь агньцеимъ* (Зограф. 1 г. 12 с. 6) — *ὁ ἱερεὺς θυμιάσας τὸν ἀστερίσκον τίθησι αὐτὸν ἐπάνω τοῦ ἁγίου ἄρτου* (с. 46); *вѣтритъ надъ сѣтими съ въсѣцѣѣ благоговѣкиствѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — *ριπίζει ἐπάνω τῶν ἁγίων μετὰ πάσης εὐλαβείας* (с. 64); *сѣенникъ горнал часть въземъ, творить съ неж крѣстѣ надъ сѣож чашеж* (Зограф. 1 г. 12 с. 24) — *ὁ ἱερεὺς λαβὼν τὸν ἄνω κείμενον μερίδα ποιεῖ μετ' αὐτῆς σταυρὸν ἐπάνω τοῦ ἁγίου ποτηρίου* (с. 70). Русская редакция Устава литургии последовательно использует в указанных чтениях конструкцию *верху* + родительный падеж.

Греческие конструкции *ἐν* + Dat., *ἐκ* + Gen., обозначающие произведение действия с какой-либо из сторон предмета, последовательно передаются предлогом *въ* с родительным падежом: и *дѣскоѣ оубо поставлѣеть ѿ лѣквыа страны* (Зограф. 1 г. 12 с. 3) — *τὸν μὲν ἅγιον δίσκον τιθεῖς ἐν τῷ ἀριστερῷ* (с. 38); *вънъзить копѣ ѿ лѣквыа страны въ просфорж* (Зограф. 1 г. 12 с. 3) — *πῆγνυσιν τὴν λόγχην ἐν τῷ μέρει τῆς σφραγίδος* (с. 42); *станеть ѿ десныа страны* (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — *καὶ ἴσταται ἐν τῷ δεξιῷ μέρει* (с. 64); *водеть его ѿ десныа страны съ копѣимъ глѣ* (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — *νύττων δε αὐτὸν ἐν τῷ δεξιῷ μέρει μετὰ τῆς λόγχης ἐπιλέγει* (с. 42). В то же время русская редакция использует дифференцированно предлоги *въ*, *въ* и *на* (и *сѣѣ оубо блюдо поставлѣеть ѿ лѣквоа страны*; *вонзить копие въ лѣквоа странѣ*; *стоитъ на деснои странѣ*; *провадаеть ѿ въ деснѣю страну глѣ*).

Тенденция к унификации средств перевода греческих конструкций отмечается и в выборе предложных моделей для греческих *ἐμπροσθεν*, *κατενάντιον* + Gen. Редакцией Евфимия выбирается единая модель *предъ* + творительный падеж: и *станѣ на своѣ мѣстѣ обвчнѣ прѣ сѣтими двѣрми* (Зограф. 1 г. 12 с. 8) — *καὶ σταῖς ἐν τῷ συνήθει τόπῳ κατενάντιον*

²⁴ Минчева А. К синтаксической характеристике средне болгарских евангельских списков (Рыльское Б евангелие) // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 199.

τῶν ἁγίων θυρῶν (с. 50); дѣакѡ сътворивъ поклоненіе прѣѣ сѣтыи жрѣвникѡ (Зограф. 1 г. 12 с. 9) — ὁ διάκονος ποιήσας προσκύνημα κατέναντι τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου (с. 50). В русской и афонской редакциях используются соответственно предлоги *предѣ* и *праню*, что характерно и для старославянских памятников.

Буквальная передача элементов греческой модели отмечена и при обозначении инструмента, греч. *ἐν + Dat.* регулярно и последовательно переводится предложно-падежной *въ + местный падеж*: дрѣжж ѡраръ въ дѣснѣи ржцѣк (Зограф. 1 г. 12 с. 3) — κρατῶν καὶ τὸ ὠράριον ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ (с. 42); сам же сѣщенникъ въземь въ ржкѣ сѣтыи потирь (Зограф. 1 г. 12 с. 28) — αὐτὸς δὲ ὁ ἱερεὺς λαβὼν ἐν ταῖς ἰδίαις χερσὶ τὸ ἅγιον ποτήριον (с. 76); иже въ ржкоу дрѣжжжмѣи покрывалѡ оврысавъ (Зограф. 1 г. 12 с. 27) — τῷ ἐν χερσὶ καλυμματίῳ ἀποσπογγίσας (с. 76). Чтения русской редакции свидетельствуют о сохранении здесь беспредложного творительного падежа. Установлено, что модель „*въ + местный падеж*“ для перевода указанной греческой модели является весьма частотной в среднеболгарских памятниках и выступает как дублетная форма творительного падежа почти во всех его функциях. В рукописях среднеболгарского периода находит отражение утрата творительного падежа, замена его такими предложно-падежными конструкциями, как „*о + местн. п.*“, „*на + вин. п.*“, „*въ + местн. п.*“. При выборе последней конструкции решающее значение имела греческая модель. Замена творительного падежа на предложно-падежную конструкцию характерна для многих правленных богослужебных текстов XIV века и отражает тенденцию к калькированию греческой предложно-падежной модели²⁵.

При обозначении субъекта пассивных конструкций (греч. *παρὰ + Gen.*) евфимиевская редакция, так же как и другие славянские редакции Диатаксиста, использует модель с предлогом *въ*, калькируя греческую и таким образом отказываясь от традиционной беспредложной модели: сѣмъ же глѣмоу *въ* ѣреѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 9) — τούτου δὲ λεγομένου παρὰ τοῦ ἱερέως (с. 50); сѣи же *въ* дѣквнѣ глѣмоу, ѣреи възнимаетъ аеръ *въ* сѣтѣ (Зограф. 1 г. 12 с. 20) — τούτου δὲ παρὰ τοῦ διακόνου λεγομένου ὁ ἱερεὺς αἶρει τὸν ἄερα ἀπὸ τῶν ἁγίων (с. 64).

Особым признаком, отличающим евфимиевскую редакцию Устава литургии являются особенности употребления приименных родительного и дательного падежей. Уже в древнеболгарских памятниках появляются некоторые языковые особенности, типичные именно для болгарского языка и отличающие его от других славянских языков. Такой особенностью

²⁵ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII—XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 89.

является дательный применной („притяжательный“) падеж. Развитие приименного дательного вместо родительного отражается уже в ранних восточноболгарских текстах, таких как Супрасльская рукопись и Саввина книга. Этот факт свидетельствует о том, что дательный применной начинает интенсивно распространяться уже с X в.; в среднеболгарских памятниках сфера употребления дательного приименного расширяется²⁶.

В тексте Устава литургии редакции Евфимия Тырновского встречается большое количество случаев употребления дательного приименного, в сравнении с данными других редакций здесь эта форма наиболее частотна, она конкурирует с формами родительного приименного. Исследователями были определены сферы вариативного употребления дательного и родительного приименного на материале старославянских памятников. Так, в древних текстах при существительных, обозначающих действия или свойства, объектные определения могут выражаться как родительным, так и дательным падежами, а субъектные — только родительным. В притяжательных конструкциях старославянских памятников параллельное употребление родительного и дательного падежей встречается только при выражении отношения органической принадлежности (того, что изначально присуще предмету), например: *отрѣкшити ремење сапога его* Сав. 147. Мрк. I, 16; *раздрѣшити ремење сапогоу его* Сав. 146, Мрк. I, 7), при выражении неорганической принадлежности употребляется только родительный падеж²⁷. В тексте редакции Евфимия объектные определения зачастую выражены в форме дательного приименного: *ожидаж антифону скончаниѣ* (Зограф. I г. 12 с. 9) — *προσμένον τὸν τοῦ ἀντιφόνου ἐκπλήρωσιν* (с. 50); *ожидаж скончаниѣ мѣтвѣк* (Зограф. I г. 12 с. 16) — *προσμένον τὴν συμπλήρωσιν τῆς εὐχῆς* (с. 60). Примеры органической принадлежности в тексте Диатаксиса — это случаи, когда определяемое обозначает часть тела человека: *полагаеть его на лѣвое раиѣ ѡаквноу* (Зограф. I г. 12 с. 16) — *ἐπιτίθησι τῷ ἀριστερῷ ὤμῳ τοῦ διακόνου* (с. 60); *полагаеть врѣхоу врѣха ѡаквноу* (Зограф. I г. 12 с. 17) — *ἐπιτίθησι καὶ αὐτὸν τῇ τοῦ διακόνου κορυφῇ* (с. 60); *веръ же въземь ѡ рамена ѡаквноу* (Зограф. I г. 12 с. 17) — *τὸ ἄερα λαβὼν ἀπὸ τῶν ὤμων τοῦ διακόνου* (с. 60). Дательный приименной используется в редакции Евфимия также и при выражении неорганической принадлежности: *прокименъ аплуоу* (Зограф. I г. 12 с. 12) — *προκειμένον τοῦ ἀλοστόλου* (с. 54); *тропарь дню* (Зограф. I г. 12 с. 12); и *въскъмь влѣгарѡ патриархоу* (Зограф. I г. 12 с. 22). И родительный, и дательный приименной

²⁶ Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1958. С. 247.

²⁷ Чешко Е. В. История болгарского склонения. М., 1970. С. 238—241.

используются для так называемого определения по отношению: $\bar{\omega}$ лѣкына страны ст҃го агньца (Зограф. 1 г. 12 с. 4) — $\epsilon\acute{\xi}$ ἀριστερῶν τοῦ ἁγίου ἄρτου (с. 42); ктїторы храмоу (Зограф. 1 г. 12 с. 22) — τῶν κτητόρων τῆς μονῆς (с. 66).

Наличие большого количества примеров на дательный приименной отражает южнославянскую языковую норму. Многие ученые связывают вытеснение родительного приименного дательным с балканским влиянием (А. М. Селищев, И. В. Ягич, Ф. Миклошич). Существует также точка зрения, что приименной дательный не является новообразованием в древнеболгарском языке, а является архаичной чертой, общей для славянских языков, которая сохранилась только в болгарском²⁸. В результате сопоставления старославянских и среднеболгарских текстов оказалось, что чем позднее написан памятник, тем более последовательно отражается в нем замена родительного приименного на дательный²⁹. Анализ языковых особенностей различных переводов Литургии Преждеосвященных Даров показал, что такая замена наиболее характерна для южнославянских редакций XIII — XIV веков, тексты древнерусской и поздних правленных редакций отражают ее в меньшей степени³⁰.

Совокупность лингвистических признаков Устава литургии редакции болгарского патриарха Евфимия Тырновского позволяет сделать определенные выводы относительно переводческих принципов, реализованных в тексте. Прежде всего, редакцию Евфимия отличает значительная грецизация в различных областях. Так, на лексическом уровне обращает на себя внимание наличие заимствованных лексем, имеющих славянские аналоги в других редакциях (литоургіѧ, діскосъ, ѿрархъ, архїдіаконъ, херотонисавшии), а также тенденция к заимствованию не только лексемы, но и ее грамматического оформления (хероукіко, пожшии). В области словообразования прослеживаются попытки передачи морфемной структуры греческого слова, поморфемного перевода (подбор славянских соответствий греческим приставкам, перевод суффиксальных греческих образований суффиксальными славянскими). Особенно ярко выраженной тенденция к буквалистической передаче элементов греческого текста оказывается на уровне синтаксических конструкций, где последовательно используются копирующие греческие особенности модели: калькированные

²⁸ Топоров В. Н. Локатив в славянских языках. М., 1961. С. 290.

²⁹ Елкина Н. М. Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках. М., 1954. С. 5.

³⁰ Афанасьева Т. И. Славянская литургия Преждеосвященных даров XII—XIV вв. Текстология и язык. СПб., 2004. С. 97.

конструкции для передачи греческих моделей с артиклем-субстантиватором, предложные модели с творительным падежом.

С другой стороны, для редакции Евфимия Тырновского характерны черты, объединяющие южнославянские редакции богослужебных текстов и противопоставляющие их восточнославянским. В лексике это характерные для южнославянской традиции термины, как заимствованные, так и славянские: *митаніѣ*, *лицъ*, *митлица*, *лъжица*. На морфологическом уровне к таким особенностям относится употребление местоимения *тъ* в качестве личного 3 л. и при указании на предмет.

Устав литургии редакцию Евфимия отличают также особенности, зафиксированные в среднеболгарских памятниках и отличающие ее от древнеболгарских текстов. К ним относятся „новая“ лексема *настоли*, отсутствие двойственного числа согласовательных глагольных форм, расширение сферы употребления дательного приименного падежа существительных, синонимия предлогов *въ* и *на*, утрата творительного беспредложного, в частности при передаче греческой модели *ἐν + Dat.*

Многие из перечисленных особенностей оказываются общими для болгарских переводов, выполненных в XIV — начале XV вв., а именно для переводов, атрибутированных кругу Патриарха Евфимия Тырновского: евфимиевская редакция Иерусалимского Типикона из Черепишского типика, евфимиевская правленая редакция Литургии Преждеосвященных Даров.

Сопоставление данных Устава литургии редакции Евфимия с данными Устава афонской и русской редакций показывает как общее, так и отличия в реализованных принципах. Так, на фоне общих с афонской редакцией южнославянских лексем присутствуют и термины, характерные только для евфимиевского текста: *покрывало*, *страна* (а не *лицъ*); отказ от использования форм двойственного числа отличает редакцию Евфимия от афонской (сербской) традиции. Наличие общих тенденций с русской редакцией Диатаксиса (неиспользование двойственного числа, лексемы *настоли*, *страна*, *потѣръ*) свидетельствуют о возможном влиянии, которое оказала болгарская традиция на текст русской редакции.